

ДОРОГОЙ СОБРАТЬ О ГОСПОДЬ НАШЕМЪ ИСУСЪ ХРИСТЪ ПРОФЕССОРЪ EHRENBURG!

Ваше братское письмо является для меня однимъ изъ отрадныхъ симптомовъ растуцаго во всемъ христіанскомъ мірѣ стремленія къ единенію, которое невозможно безъ взаимнаго познанія и пониманія. Это есть, конечно, дѣло нелегкое. Оно требуетъ отъ участниковъ, съ одной стороны, личной церковной твердости, потому что не для любезностей или компромиссовъ должны вестись такіе разговоры, но ради познанія неумолимой и непреклонной истины, но, съ другой стороны, для этого требуется и особая духовная гибкость и, я бы сказалъ, извѣстная культура не только ума, но и сердца. Наша встрѣча съ вами произошла на доброй почвѣ: Вы являетесь носителемъ нужной и важной миссіи, — ознакомленія протестантскаго міра съ русской религіозной мыслью чрезъ изданіе сборниковъ «Das Oestliche Christenthum» и черезъ другіе Ваши подобные замыслы. Богъ дѣлаетъ дѣла свои чрезъ скудельные сосуды, но и сейчасъ можно видѣть, насколько смыслъ этого сближенія и духовныхъ встрѣчь, которые нынѣ совершаются, превышаетъ нашу личную малость и имѣетъ прямо церковноисторическое значеніе. И для этого дѣла нужно много терпѣнія и любви, той любви, которая «все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, не радуется неправдѣ, но радуется истинѣ» (Кор. 13: 7, 6), коротко сказать, любви церковной, которая возможна и въ отношеніи къ тѣмъ, кто не принадлежитъ къ Церкви, по крайней мѣрѣ, видимой и видимо.

Въ отвѣтъ на Ваши вопросы я выскажу лишь нѣсколько своихъ мыслей, при-

томъ афористически. Въ общемъ и цѣломъ фактически Вы правы: *библеизмъ*, особая насыщенность Библией, жизнь въ ней, есть свойство — готовъ сказать: даже преимущество — протестантскаго міра, въ равной мѣрѣ какъ англосаксонскаго, такъ и германскаго. Одна изъ причинъ этому въ томъ, что *вне* библеизма у протестантизма ничего не остается такого что онъ могъ бы считать *своимъ* и что не разлагалось бы у всѣхъ на глазахъ отъ ѣдкихъ кислотъ «протеста» и критики (я уже не буду касаться вопроса, въ какой мѣрѣ правомѣрно и само это принятіе Библии и *вне* Церкви не разлагается ли она сама). Православію же, Вы также правы, библеизмъ *quand tete* несвойствененъ, ибо оно и вообще не есть религія книги, но нѣкоего непрерывнаго тайно — и священнодѣйствія. Въ нее входитъ и Библия, но не какъ книга, а какъ фактъ мистериальнаго опыта: Библия — преимущественно Евангелія и Ндвый Завѣтъ, менѣе — Ветхій — суть части богослуженія, которое есть богодѣйство; и здѣсь есть больше, чѣмъ чтеніе, но само читаемое событіе. Евангеліе не только читается, но живетъ, происходитъ въ Церкви. Этимъ, несомнѣнно, полагается граница чистому библеизму непреходимая. Но, конечно, Библия остается и какъ *книга*, поскольку она входитъ въ общій составъ *преданія*; наряду съ многими другимъ: богослужебными текстами, святоотеческой письменностью, хотя, разумѣется, она царитъ и должна царить надъ ними, какъ Слово Божіе по преимуществу. Правда въ жизни библеизмъ въ Православіи осуществляет

ся недостаточно просто въ силу малой церковной культурности православныхъ. Однако у святыхъ подвижниковъ, и даже просто благочестивыхъ клириковъ и мірянъ (въ этомъ отношеніи между ними нѣтъ отличія) Вы встрѣтите глубокое знаніе и проникновеніе въ Библию. Однако же Православіе такъ богато, многомотивно и сложно, что, вообще говоря, человѣческихъ силъ хватаетъ на него менѣе, нежели на простой и однострунный, но въ простотѣ своей честный и вѣрный протестантизмъ съ его библеизмомъ. Дары различны и служенія различны. И растерявшимъ многіе церковные дары, Богъ далъ одно духовное сокровище — любовь къ Слову Божію, и я долженъ безъ колебанія и съ радостью любви церковной признать, что въ этой любви къ Слову Божію, — помимо всей той односторонности и предвзятости, которая родились изъ «протеста» — протестантизмъ *церковенъ*, и готовъ сказать, *православенъ*, и отъ него можетъ учиться и фактически учится и Православіе, конечно, не какъ Церковь вселенская, но въ историческихъ путяхъ своихъ. Въ библеизмъ заключается міровое церковное значеніе протестантизма. Однако это однажды уже сдѣлано въ исторіи, и всякое новое повтореніе только умножаетъ церковные яды протестантизма и является порожденіемъ глубочайшей духовной реакціи. Таково отношеніе Православія къ протестантской («евангелической») миссіи среди православныхъ, которые рассматриваются при этомъ въ качествѣ язычниковъ. Исторически реформація имѣла не только извѣстное оправданіе, но даже и обоснованіе въ крайностяхъ папизма: яды реформаціи, «протестъ», это — изнанка католицизма, реформаторы спасали христіанскую свободу отъ рабства, хотя — увыл — дорогой, чрезмѣрной цѣною. Но теперь реформаціи надо самой избавляться отъ протестантизма возвращеніемъ въ Церковь, съ обрѣтенными и утвержденными своими цѣнностями, но не продолжать разрушеніе Церкви. *) Всѣ свои подлинныя цѣнности протестантизмъ могъ бы найти въ Православіи и здѣсь сохранить и утвердить свой библеизмъ. Это былъ бы новый спектръ въ плеромѣ Православія, а «плетизмъ» въ цѣляхъ личнаго благочестія, упразднилъ бы за ненадобностью, замѣнившись просто церковностью. Что же

*) Это движеніе уже начинается, и однимъ изъ отрадныхъ симптомовъ является изданіе *Una Sancta*.

касается русскаго протестантизма или штудтизма. то мы рассматриваемъ его, какъ движеніе не столько библейское, сколько антицерковное. Острая ненависть къ Церкви, которая даже не почитается за христіанство —, воодушевляетъ этихъ ослѣпленныхъ людей. Это не библеизмъ, но протестантизмъ въ самомъ худомъ смыслѣ. Я не отрицаю человѣческихъ добродѣтелей, извѣстной религиозной приподнятости и возбужденности сектантовъ, того, что вы въ нихъ называете «плетизмомъ», но то въ дѣйствительности является часто экзальтаціей, часто же ложнымъ воодушевленіемъ, «прелестью». *Библеизмъ* есть лишь внѣшнее обличіе, я бы сказалъ форма, орудіе и предлогъ для церковно-ненавистничества. Въ такомъ видѣ штундизмъ — даже не христіанство, каковымъ все же не переставала быть реформація, это — другая религія, которая рядомъ переходныхъ формъ сближается съ еще болѣе рационалистическими сектами и переходитъ просто въ человѣколюбіе и социализмъ. Не библеизмъ, но печувствіе таинствъ и нечестіе къ Богоматери ихъ воодушевляетъ. Библия въ такихъ рукахъ становится — страшно сказать — мертвою и мертвячею, ибо буква убиваетъ, духъ животворитъ. Штундисты, въ большинствѣ случаевъ, знаютъ Библию лучше чѣмъ даже профессиональные богословы, но знаютъ ее мертвымъ, фарисейскимъ знаніемъ, безъ внутренняго пониманія. Обычно у сектантовъ нѣтъ той общей духовной культуры, которая есть *minimum* для протестантскаго библеизма, но въ то же время есть кичливость мнимой простоты, которую они приравниваютъ первохристіанству.

Здѣсь есть прямая аналогія съ пролетарскимъ классовымъ надменіемъ. Штундизмъ есть порожденіе человѣческой гордости и невыносимымъ фарисействомъ вѣетъ отъ вождей его. Таково мое прямое и искреннее слово о штундизмѣ. Я, разумѣется, не буду отрицать безчисленныхъ грѣховъ и слабостей историческихъ представителей Православія, но это никогда не должно быть основаніемъ для церковной самодѣльщины и хулы на Церковь, Богоматерь, святыхъ, таинства. Библеизмъ въ рукахъ штунды антицерковенъ и не только въ томъ смыслѣ, что Библия здѣсь изъемлется изъ церковнаго контекста, но и прямо противопологается всему преданію Церкви. И въ этомъ смыслѣ, повторяю, протестантская миссія враждебна Церкви. Протестантизмъ долженъ не распространяться, какъ протестантизмъ, но изживать

себя. Лишь въ средѣ невѣрныхъ, гдѣ онъ приноситъ слово Божіе, онъ зажигаетъ въ сердцахъ свѣтъ боговѣдѣнія. Въ Православіи есть достаточно мѣста для библеизма, ему нуженъ свой библеизмъ, оно можетъ на почвѣ его братски сближаться съ протестантскимъ міромъ, но лишь настолько, насколько это есть подлинный библеизмъ, но не протестантизмъ подъ предлогомъ библеизма. Штундизмъ же есть именно протестантизмъ и лишь вслѣдствіе того и для того — библеизмъ. Индивидуально это можетъ быть иначе, но въ цѣломъ, вѣроуचितельно, это такъ. Поэтому, между прочимъ, изъ штундизма обычно нѣтъ возврата къ Церкви, душа до такой степени вывихивается, что нарушается весь ея строй. Поэтому тотъ библеизмъ, который приносится русскимъ протестантизмомъ, не идетъ ни на какую службу Церкви, и «евангелическое» христіанство есть даже и не реформація, которая ненужна и неумѣстна въ Православіи, но только протестантизмъ, какъ выявленіе церковнаго разложенія, усиленнаго бѣдствіями русской церкви. Извѣстному типу русской души свойственно соединеніе вовсе неправославнаго рационализма и при этомъ горделиваго упрямства, на почвѣ чего и развивается штундизмъ. Примѣръ — Толстой, и въ этомъ смыслѣ Толстой народенъ, но и духовно бесплоденъ. Подобная «евангелизація» Россіи приносить глубокий вредъ всему христіанскому міру, — это *историческій* протестантизмъ долженъ, наконецъ, понять. Православный же библеизмъ, тотъ, котораго не видятъ и не знаютъ со стороны, въ своемъ чистомъ видѣ, растворенъ со всей жизнью Церкви, съ богослуженіемъ, кругомъ церковнымъ, иконографіей, даже бытомъ. Православная жизнь сама есть живая Библия. И тѣмъ не менѣе я готовъ признать, не видя въ томъ противорѣчія, что мы, православные, — не Православіе, но именно православные, — нуждаемся въ томъ, чтобы больше знать и любить Библию, и это есть для насъ дѣло церковнаго разума и требованіе возраста, (хотя въ этомъ нисколько не помогаетъ и не содѣйствуетъ штунда). Польза и вліяніе историческаго протестантизма здѣсь можетъ быть — и даже есть — иная, скорѣе научно-просвѣтительная, и лишь чрезъ это религіозная, нежели прямо миссіонерствующая. Мы примемъ отъ васъ Библию въ критическомъ и общедоступномъ изданіи, съ разными научными комментаріями, но отвергнемъ всякую «евангелизацію», отторгающую отъ

Церкви, какъ нѣкогда протестантизмъ оторвалъ отъ католической церкви реформацію. Въ этомъ отношеніи къ протестантизму православіе и католичество не различаются.

Народъ въ Церкви или народъ церковный? Боюсь, что въ самой постановкѣ этого вопроса борются, съ одной стороны, католичество, которое, какъ діалектический моментъ, и доселѣ не преодолѣно протестантизмомъ, а съ другой — «новѣйшая демократія». Мы имѣемъ Хом.к.в., съ его ученіемъ, которое есть существенно православное, о *народѣ церковномъ*, какъ тѣлѣ Церкви, хранящемъ истину. Иерархія у насъ иногда впадаетъ въ католическое преувеличеніе своего значенія, устанавливающее въ православіи чисто католическое раздѣленіе на Церковь учащую и повинующуюся. Но православіе содержитъ высокое, хотя м. б. недостаточно выявленное ученіе о значеніи мірянъ въ церкви въ *единеніи* съ пастырями, подъ водительствомъ епископата. Но міряне не есть лишь объектъ пассивной покорности. Въ бурныя и трудныя времена народъ церковный выносить на своихъ плечахъ бремя церковнаго водительства, такъ это есть теперь въ Россіи въ борьбѣ съ живоцерковствомъ, и такъ это — потенциально — есть всегда. Разумѣется, народъ церковный можетъ заболѣвать и часто болѣетъ демократіею, также какъ клиръ — католическимъ клерикализмомъ. Но православная норма, имманентная природа Церкви, есть именно церковный народъ, пасомый, но не ведомый пастырями. Я всегда опасаясь *народничества* въ Церкви, которымъ вообще болѣетъ наша интеллигенція, но которымъ болѣетъ и протестантизмъ, не изжившій еще оппозиціи католическому ученію. Вѣрнѣе сказать, что въ Церкви нѣтъ народа, но есть міряне и пастыри, и осуществлять фактически внутренне данную и заданную Православіемъ норму есть всегда творческая задача. Духъ Православія есть не рабство, а свобода сыновъ Божіихъ. И здѣсь опять протестанство можетъ погрузиться въ лоно Православія своимъ церковнымъ народолюбіемъ, поскольку оно не становится анти-иерархизмомъ, разрушающимъ Церковь, т. е. не иссыхаетъ въ пескахъ «протеста».

Вотъ тѣ немногія и предварительныя мысли, которыя мнѣ хочется высказать не столько въ отвѣтъ, сколько по поводу Вашего письма.

Преданный Вамъ прот. С. Булгаковъ.